

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Магомедова П.А., Аливалиева Д.А. — Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие») // Филология: научные исследования. – 2023. – № 4. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.4.40409 EDN: MVERUE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40409

Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)**Магомедова Патимат Ариповна**

ORCID: 0000-0002-8177-8951

доктор филологических наук

профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет

367026, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Мурсалова, 110

✉ p_magomedova@mail.ru**Аливалиева Джамилат Абдулкадировна**

аспирант, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Дагестанский государственный университет

367026, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомеда Гаджиева, 43, оф. а

✉ djam.schagbanova2014@yandex.ru[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2023.4.40409

EDN:

MVERUE

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2023

Дата публикации:

13-04-2023

Аннотация: Статья посвящена проблеме репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в религиозном и паремиологическом дискурсах разноструктурных языков. Основная цель исследования – установление сходств и различий в языковой объективации духовных ценностей/антиценостей в аварской и русской лингвокультурах на материале концепта «Вера/Неверие», который представляют

собой один из базовых концептов, затрагивающих в совокупности все ценностно-поведенческие сферы человеческого бытия. В религиозном сознании верующего человека (будь он христианин или мусульманин), по своему естеству заложена тяга к добродетели, стремление к облагораживанию нрава, осмысление и номинация всего этого происходит посредством конкретных языковых знаков и их смыслов. Рассмотрены понятийные, ценностные и образные составляющие исследуемого концепта. Актуализация в лексических системах различных языков, лексем с религиозным (исламским) значением, масштабная активность текстов указанной тематики в различных жанрах, особенно в текстах масс-медиа, выдвигают перед лингвистами новые перспективные направления междисциплинарных исследований. Новизна исследования состоит в как в разработке исследования в аспекте сопоставительной теолингвистики впервые на материале указанных языков, так и в интегральном использовании лингвоконцептуального и теоконцептуального методов. В статье прослеживается тесная связь когнитивных признаков изучаемого концептуального поля и духовно-нравственных концептов, имеющих при языковой вербализации свою специфику в каждом из сопоставляемых языков.

Ключевые слова:

аварский язык, ценности и антиценности, вера и неверие, религиозный концепт, иман, паремии, теолингвистика, духовные тексты, фреймы, универсалии

Наиболее актуальными и научно оправданными на современном этапе развития языкоznания (в том числе и сопоставительного) многими учеными признаются научные разработки, в которых язык, объективирующий все аспекты материальной и духовной сфер человеческого бытия, представлен феноменом *Homo loquens*. Обращает на себя внимание «неослабевающее стремление современных исследователей к изучению репрезентации в языке категории непреходящих духовно-нравственных ценностей как смыслообразующих оснований бытия человека» [29, с. 988]. Лингвоаксиологический подход к исследованию единиц языка в контексте воплощения в них определенных ценностей/антиценостей коррелирует с лингвокультурологическим подходом, при котором исследуется концепт как «многомерное ментальное образование, имеющее три важнейших измерения - образное, понятийное, ценностное» [14, с. 5]. Заметим, одним из обязательных составляющих в структуре концепта является ценностный компонент.

«Под ценностью понимаются цели, ориентирующие человека в его деятельности и детерминирующие нормы его поведения» [25, с.24]. Не вызывает сомнения тот факт, что ценности – это не качества и свойства, присущие предметам, они «сами не реальны, а лишь идеальны, но и не относятся к явлениям сознания. Этот ряд взаимоисключающих положений обусловлен парадоксальностью самой природы оценки» [7, с.105].

Понятие Духовные ценности рассматриваются в лингвистике как сплетение религиозного, интеллектуального и нравственного компонентов, составляющих его сущность. Как указывают ученые, «язык как феномен культуры фиксирует и отражает некоторым опосредованным образом как систему ценностей, настроения, оценки, существующие на данный момент в данном социуме, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры» [7, с.127]. «Можно с уверенностью отметить, что основополагающими признаками религиозного концепта являются его сакральность и наличие у него ценностной составляющей» [25, с.87]. Следовательно, исследование

религиозных концептов позволяет выявить основные аксиологемы отдельной лингвокультуры.

В настоящей статье нами предпринята попытка выявления сходств и различий в языковой объективации духовных ценностей/антиценостей в русской и аварской лингвокультурах, в частности, на примере концепта «Вера/Неверие». «Концепт веры наиболее явно присутствует в авраамических религиях, играя в них фундаментальную роль. Категория веры как связи человека с Богом эксплицирована уже в книге Бытия...» [20, с. 82]. В религиозном сознании человека все благое, имеющее непреходящую духовную ценность всегда представлено в противоположность антиценостям, приносящим зло, несчастья, беды. Ученые провели исчисление ценностных диад на основе анализа религиозной (православной) картины мира: «основные конвенциональные ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре и языке социумов, могут быть отражены в десяти диадах» [5, с. 25]. При этом представлен анализ аксиологем различного характера: витальные ценности и антиценности (Жизнь – Смерть; Здоровье – Болезнь); религиозные ценности и антиценности (Рай – Ад) и т.п. При этом анализируются аксиологемы, «репрезентируемые библейскими текстами и фразеологизмами, афоризмами в контексте несоответствия этим ценностям в отдельных эпизодах современной жизни» [5, с. 26].

Нас интересует проблема репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в исламском и православном дискурсах с целью выявления специфики лингвокультурного концепта.

Рассмотрим понятийную составляющую исследуемого концепта, сущность которой «состоит в определении признаков его содержания, зафиксированных в словарных дефинициях, в построении структурной модели в виде фрейма, в установлении его исходного смысла, зафиксированного во внутренней форме слова...» [15, с. 321]. Проведем анализ имеющихся данных словарей и справочников.

Концепт «Вера», в основе которого лежит тесная связь с концептом «Доверие», определяется как «круговорот общения» двух (по крайней мере) субъектов» [31, с. 403]. В православно-христианском дискурсе, «...в основе рассматриваемого слова [вера] лежит корень, обозначающий правду и истину, а с другой стороны милость, любовь и красоту, и имеет нравственную связь с лицом, которое является носителем веры» [8, с. 55]. Вместе с тем, вера – некий волевой акт, который имеет силу и решительность психологического характера, иногда и аксиоматического плана. «Основания веры лежат глубже знания и мышления, она по отношению к ним есть факт первоначальный, а потому и сильнее их» [33, с. 352.]

Описание концепта «Вера» проводилось ранее лингвистами на материале русского языка на основе дефиниций из словарей, анализа функционирования в определённых текстах. Так, например, в работе [6] были выделены контекстуальные коннотативные семы: «истинность», «твёрдость», «обращение в веру», «верность/доверие», «спасение», «отсутствие веры», которые входят в околовядерную зону концепта *Вера* на системно-языковом уровне религиозного дискурса [цит. по 14, с. 286]. Понятие *Вера* (равно как и *Неверие*) относится к числу базовых, ядерных, опорных концептов, то есть является константой [38]. многими исследователями и не раз высказывалась мысль о том, что опорные концепты связаны с базовыми ценностями любого человека. «С концептуальной точки зрения все базовые ценности представляют собой совокупность

внутренних качеств личности, ориентированных на творение добра и воплощающих человеческий идеал в его моральном совершенстве» [\[28\]](#).

Рассматривая *Веру* как основу мировосприятия и миропонимания в русской лингвокультуре, Т. Б. Радбиль заключает: «...языковые данные свидетельствуют о том, что в русском мире именно ВЕРА выступает базовым способом совокупной духовной (мыслительной, эмоциональной, интенциональной, волитивной, религиозной, этической), ценностной и поведенческой активности этноса, основой национального мировосприятия и миропонимания в целом, ядерным компонентом национальной идентичности» [\[34, с. 33-34\]](#). Следовательно, анализируемые понятия представляют собой базовые концепты, затрагивающие в совокупности все ценностно-поведенческие сферы человеческого бытия.

С лингвистических позиций, согласно лексикографическим источникам русского языка [\[19\]](#) лексема *Вера* имеет три лексико-семантических варианта: 1) твёрдая убеждённость, глубокая уверенность в ком-, чём-л.; 2) религиозное учение, вероисповедание; религия; 3) доверие.

В религиозном исламском дискурсе «Иман (вера) – это признание сердцем [истинности Аллаха и его Пророка], свидетельствование об этом языком и исполнение предписаний религии [телом]» [\[3, с.528\]](#). В относительно недавно проведенном исследовании концепта «Иман/Вера» в русскоязычном исламском дискурсе представлен анализ основных репрезентантов данного концепта, особенности лексикографического портрета лексем *вера* и *иман*. [\[25\]](#).

Если (согласно православно-христианскому вероучению) абсолютные смыслы, носителем которых является определенная религия, «оседая» в религиозном сознании, «обретаются в Откровении» (В. И. Постовалова), то в традиционном исламском сознании осмысленное миропонимание, регулирующее всю сознательную жизнь мусульманина, построено на ценностных смыслах священного Корана и Сунны. Вера мусульманина сводится к убежденности в том, что все практические предписания Корана и Сунны являются истинными и неоспоримыми наряду с другими предписаниями, и обязательны для исполнения.

Коран и Сунна рассказывают верующему о том, что для него благо, а что зло, и какие поступки хорошие и праведные, а какие — скверные и низкие [\[30, с.7\]](#). *Хәкъульунго гъаб Къуръан буго жинца хәкъабги, баттулабги жо баттә гъабулеб, хәлалаб, хәрамаб жо баян гъабулеб тәдеганав Аллагъасул калам* [\[4, с. 673\]](#).

Вместе с тем высказано мнение, «Ключевая идея, характеризующая богословское восприятие нравственного, состоит в том, что Бог является высшим добром и источником человеческих представлений о добре и зле, о нравственном и безнравственном... Принятие этой идеи в качестве истинной позволяет религиозному человеку осмыслять само понятие нравственного не только в качестве этического, но и в качестве онтологического» [\[11, с. 115\]](#). Нельзя с этим не согласиться, учитывая, что в религиозном сознании верующего человека (будь он христианин или мусульманин), по своему естеству заложена тяга к добродетели, стремление к облагораживанию нрава. Естественно, осмысление и номинация всего этого происходит посредством конкретных языковых знаков и их смыслов.

Трудно не заметить, что в русской лингвокультуре одна лексема обслуживает

религиозный и секулярный дискурсы, тогда как в аварском языковом сознании в исламском дискурсе употребляется заимствованная из арабского языка лексема *иман*, имеющая, согласно лексикографическим источникам, следующие лексико-семантические варианты:

1) вера (*в Бога*) ;

2) *перен* . преклоняться перед кем-чем-л. ; фетишировать кого-что-л. ;

3) *перен* . совесть, совестливость; честность, порядочность. [1, с. 521]. Сравним с лексемой *иман* в русском языке [от араб. - верить], в исламе, признание языком и сердцем «за истину того, что ниспослано Всевышним и что приносит Мухаммад, посланник Аллаха» [17, URL].

Уточним: *иман* не религия и не вероисповедание (как у рус. *Вера2*), а сама вера (*иман1*) как убежденность, само состояние безусловного принятия и признания Бога/Аллаха и его Пророка, священного Писания/Корана и т.д.

Здесь необходимо отметить: сама по себе Вера в Бога, являясь частью внутренней духовной жизни человека не представляет собой базовой ценности; базовой ценностью является ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ в исламском дискурсе (), СЛУЖЕНИЕ БОГУ – в православно-христианском дискурсе. Это целый комплекс правил соблюдения канонов религии (молитва, пост, закят, паломничество и др.), выполнения ее заповедей, отказ от запретного и принятие дозволенного (в исламе: *харам* и *халиль*), работа над усмирением своего *нафса* , контроль за своим сердцем на наличие искренней любви к Творцу и ближнему. Развивая высказанную мысль, заметим, именно соблюдающая религиозная личность, образом жизни которой являются Священные Писания, стремится к добродетели, к совершенствованию своей морально-этической сущности (срав. авар. *иман* бугев «порядочный; совестливый (букв. имеющий веру)»; *иман* бахъун «бессовестно, беспардонно» (букв. веру отняв). Процесс десакрализации *иман* в аварской лингвокультуре привело, во-первых, к широкому спектру употребления данной лексемы за рамками религиозного дискурса; во-вторых, позволило поставить знать тождества в определенных случаях между понятием *верующий* (*набожный*) человек= *совестливый* (*порядочный, честный*) человек. О завершенности процесса десакрализации значения *иман* свидетельствует фиксация словарями последних изданий производного значения «совесть, совестливость; честность, порядочность», что не представлено в словарной статье в Аварско-русском словаре 1967 года издания.

В религиозном сознании мусульманина, согласно канонам религии, отсутствие веры распространяется на духовно-нравственную сферу человека, его отношения в обществе, семье, морально-этические стороны поведения; религия «вычиленяет такие пороки человеческой сущности, как высокомерие, гордыня, лживость, любовь к сплетням и клевете. [23, с.38]. По крайней мере в мусульманском сознании «*Вера/Неверие* многофункциональное понятие, в котором объединены святость и грех, добро и зло, совесть и бессовестность, смиренность и гордыня, истина и ложь и т.п.

В аварской лингвокультуре для обозначения твёрдой убеждённости, уверенности в ком-, чём-л.; в том числе семантики доверия (нерелигиозная сфера) употребляется глагольная лексема *божизе* производные от нее существительные *божи*, *божильи*, в том числе *божугут I* и «неверие; безверие». Г I умруялда жаниб т□оцебесеб нухаль гъав х□акъикъаталь гуккана, гъасул рек□ел **божильиги** рокъиги ч□вана.(Г□. Шахтаманов, Къуруль пух щвек□еб бис). «Впервые в жизни он столкнулся с ложью, что убило в его

сердце веру и любовь». Нижеца «Миллат» абураб газета биччазе квер барабго цохЮ нижер ахIамакъаб **божильги**, битIахъе, гъеб газетальухъ урхъун почтабазул отделениязда ва киоскал сверун терелел магIарулалги ругеб гIадаб асар букIана » <http://www.maarulal.ru/avarpress/362-gazeta-millat.html> «Когда мы начинали издавать газету «Миллат», у нас появилась глупая уверенность, что читатели будут нетерпеливо обегать почтовые отделения и киоски в ожидании очередного номера».

Как отмечает Талапова Т. А., в русской языковой картине мира «основные семантические признаки концепта «Вера/Неверие»: правда, верность, истина, обещание, обет / недоверие, отсутствие веры, сомнение» [42, с.12]. Если в русской лингвокультуре вербальными операторами оппозитивного концепта «Вера/Неверие» выступают одноименные лексемы, объективирующие семы «убеждённость, уверенность в ком-, чём-л.»; «религиозное учение, вероисповедание»; «доверие», то в аварской концептосфере обнаруживается своеобразная дифференцированность репрезентантов на два самостоятельных концептуальных под поля:

1) «Иман/Купр(у)» с когнитивными признаками «вера в Аллаха», «убежденность в истинности Его религии (дин) и ниспосланного Всевышним»/«неверие», «непризнание ислама или отход от его норм». Отметим, вербальным оператором *Неверия* в исламском дискурсе аварского языка выступает лексема *купр(у)* [арабск.] – 1) безбожие, неверие; богохульство; 2) неверные, гяуры [1, с. 595]. Следует отметить, что указанная лексема ограничена сугубо сакральной сферой употребления. В аварской лингвокультуре широкой употребительностью отличается лексема *божунгутИ* «безверие; неверие; богохульство; недоверие» либо устойчивые сочетания *иман бахъун* (букв. веру отняв) в знач. бессовестно, беспардонно; безжалостно. Самица гъей гIемер гуккулаан, амма гъаб жакъагIан иман бахъун цониги нухаль гуккун йикIинчЮ гъей. (М. Сулимов, ТIаса рищарап) «Сами часто обманывал её, но так бессовестно, как сегодня, никогда не обманывал» [26, с. 126].

2) «Божильги/БожунгутИ» с когнитивными признаками «доверие к кому-, чему-либо», «вера, убежденность, уверенность», «надежда, упование», «безопасность»; (авар. боржи бугеб *магIарда хIамица гIундул тарал* (посл.) «на безопасной горе осел уши потерял»)/ «безверие, безбожие», «недоверие», «неуверенность, сомнение». Нетрудно заметить, что «БожунгутИ/Неверие» в аварском языковом сознании допускает актуализацию указанных признаков в секулярной сфере, равно как и в религиозном (исламском) дискурсе. Чего нельзя сказать о *божильги* : только в обыденно-секулярном дискурсе.

Дуца иццул х I оринибе х I ац I у туна, божильиялье рек I к I гъабуна. Халкъаль гъединазда хиянатчиян абула. (ХI. ГIарипов, Чияр яс) «Ты плонул в колодец, подорвал веру людей. В народе таких называют предателями».

В состав концептуального поля исследователи русской лингвокультуры неоднократно относят признак «вера как истина». «Анализ семантической структуры... лексем позволяет выделить единую ядерную сему: «признание, почитание за истину», что, в свою очередь, сближает концепты вера и истина и позволяет сделать вывод, что последний принадлежит околовербальной зоне ассоциативно-семантического поля концепта вера» [6, с. 95]. Указанный концептуальный признак эксплицирован достаточно широко в религиозных текстах аварского языка, а также актуализирован во фразеологическом системе языка: авар. *Къуръан бакъульга ragИ* «истина, верное слово, правда, (букв, слово из середины Корана) [26, с. 164].

Если в русской лингвокультуре основными семантическими признаками концепта «Вера/Неверие» признаются: «правда, верность, истина», «обещание, обет» / «недоверие, отсутствие веры», «сомнение» [42], то в аварской лингвокультуре выделяются признаки: «вера, покорность» «убежденность в истинности Бога»; «надежда, упование»; «безопасность»; «совесть, совестливость» / «безверие, безбожие», «недоверие», «неуверенность, сомнение».

Рассмотрим некоторые когнитивные признаки исследуемого концепта в интерпретационном поле русского и аварского языков.

Осмысление понятий *Vera* и *Неверие* носителями исследуемых лингвокультур может происходить неоднозначно: это может быть восприятие веры как живого существа (рус. *вера рождается, растет и умирает*; авар. *иман бижизе, божильи гезе, басра гъабизе «стареть»*), вера приобретает признаки и качества людей (рус. *искренняя, простодушная, слепая*; авар. *ракибацицадаб «искренняя», раказулье лъугъине «войти в сердце», загипаб «болезненная, слабая»*, *иман бергъарав «у которого вера победила [страсти]»*); вера осмысляется через пространственный код культуры (рус. *глубина веры, полная вера*; авар. *иманалъул гъварилъи, борхалъи «глубина, высота веры»*); бытие/небытие веры (рус. *вера есть, утрачена, исчезла*; авар. *иман/божильи бугеб/гъечIеб «вера/доверие имеющие/отсутствует»*); вера через количественный показатель (рус. *увеличиться, уменьшаться*; авар. *иман цикциине, дагълизе «вера увеличилась, уменьшилась»*); осмысление веры через признак крепости/слабости (рус. *крепкая, слабая, твердая*; авар. *щулияб «крепкая [в знач. здоровая], загипаб «слабая», къуватаб «сильная», къвакIараб «твердая»*). В аварской лингвокультуре вера может быть представлена через весовой код *тIадагъаб «легкая [в знач. легковесная], иманалъул бакIильи «весомость [тяжесть] веры»*.

Особо следует остановиться на устойчивой языковой формуле, имеющей широкую употребительность в духовных текстах: *иман лъезе (букв. веру положить) 1) «уверовать, принять религию» 2) «быть, стать благосклонным к кому-л., считать кого-л. своим кумиром» [1, с. 739]*. Феноменальность данного сочетания состоит в том, что им номинируется диффузная ситуация с компонентами «принять/присягнуть религии», «проявить покорность Аллаху», «соторвить себе кумира». *Иман лъурал гадамал жидеда аскIор ккедал гъез абула нижги нужгогIадал музминзаби ругин абун «Когда они [лицемеры] оказываются рядом с уверовавшими людьми, говорят, мы тоже из числа мусульман»* [43, с. 19]. Яльуни гъеб хитIаб букIине бегъула жодоца кIалалъ **иман лъурал, раказ иман лъечIел гадамаздехун** «Либо это обращение может относится к тем, кто уверовал лишь языком, но сердцем не уверовал» [43, с. 19]. Яльуни гъеб иблис букIана, Аллагъасул азалияб гилмоялдаго, иман лъун хадуса жиб капурльизе бугебльун « Или еще в предвечном знании Аллаха иблис (сатана) был из числа тех, кто впадет в неверие после того, как уверовал» [4, с.95]. РукIана ягъудиязул къотIи биххичIелги, свалат-салам лъеяв Аварагасде иман лъун, Исламалде рагIаралги «Были среди них не нарушившие договор с иудеями, присягнув Пророку, пришедшие в Ислам» [4, с.116]. Ахир къиямасеб къоялдаги, гъениб букIинесеб жоялдаги иман лъурал «Уверовавшие в Судный день и во все, что произойдет тогда»

Неверие в сопоставляемых языках осмысляется: 1) как **грех** (кара за неверие) и **враг** (бороться с неверием) в русской лингвокультуре [42, с. 17]; 2) **куфр, харам, мунағай** в аварском религиозно-языковом сознании. В лингвистической литературе определено инвариантное толкование сакрального понятия Грех : «для человека, живущего в Боге и

понимающего, что действия типа А — плохие, а действия типа В — хорошие, потому что Бог определил, что А — плохо, а В — хорошо, [грех — это] совершение А и несовершение В, в результате чего человек становится виноватым перед Богом и перестает жить в Боге» (33, с. 171). Согласно исламскому мировосприятию самым большим грехом является вероотступничество, безбожие, неверие. В аварском языке функционируют специальные лексемы, номинирующие безбожного, вышедшего из веры человека: *имангъечI* «изувер, вероотступник» [\[1, с.521\]](#); *капурчи* « неверующий, безбожник; неверный, нечестивый, поганый, кафир, гяур, иноверец (не мусульманин)[\[1, с.549\]](#); *инкарчи* «человек, который что-л. отрицает (напр. веру). Номинативная плотность данного концепта позволяет создать полное представление о его лингвокультурной специфике в аварском языке: *капураб 1) рел. не исповедующий мусульманства; 2) рел. поганый, нечистый (с точки зрения ислама) 3) отвратительный; (капураб маxI* «отвратительный запах, вонь»); *капурльизе* «становиться, стать немусульманином, отречься от ислама; не признать Аллаха и его посланника Мухаммеда»; *капурльи* «вероотступничество (отлагольная номинация)», *капурльизабизе* « понуждать к вероотступничеству», *капурльизаби* «номинация от гл. *капурльизабизе* ». Указанные лексемы имеют распространение в сакральном дискурсе, хотя в значении некоторых лексем произошла десакрализация: *капураб маxI* «отвратительный запах»; *инкарчи* (в зн. отрицать вину, отказаться от предложения).

Любое понятие греха, отступления от законов Бога/Аллаха содержит (явно либо скрыто) идею наказания, расплаты за виновность перед Всевышним, следовательно, на периферии концептуального поля представлены соответствующие вербальные операторы: рус. *наказание, кара, возмездие*; авар. *тамихI* [*гъабизе*], *къисас, газаб, жаза*.

Неверие как концептуальный признак включает компонент «неискренность веры (лицемерие)» в аварской паремиологической картине мира: *Аллагъ рехсолеб – к I ал, хIарамаб боцIи кибдай бугоян – ракI* «На устах имя Аллаха, а в сердце – поиски запретного имущества»; *Радал къальизегIан, Къурган цIалулев, къальудаса нахъе хIамул рикъулев* «С утра до обеда Коран читает, после полудня ослов уводит/ворует»; *Вихъизе – т1арикъатчи, ватизе – хиянатчи* «На вид – соблюдающий [каноны религии], а на самом деле – подлец». Сравним схожее в рус. *Бог на языке, а девка на уме* [\[9\]](#).

Неверие (нерелигиозная сфера) осмысляется как признак отсутствия доверия, надежности в божи *гъечIев* (букв. веры не имеющий) 1) ненадёжный; 2) трудный, тяжёлый.

Я бакъул хинлъи чIаялде, я чIаго хутIиялде божи гъечIел къоял чанги рукIана Салимил. (М. Мухамадов, Лъукъарал къураби) «Много было у Салима безнадежных, тяжелых дней, когда он думал, что не выживет» [\[26, с. 49\]](#)

Паремиологическая картина сопоставляемых языков фиксирует когнитивные признаки концепта Вера/Неверие посредством актуализации тесной связи с ближайшими концептами «Бог», «Благонравие», «Грех», «Зло». Необходимо при этом отметить, что в аварской лингвокультуре малочисленны паремии с объективацией концепта «Вера/Неверие», объяснение этому факту найти сложно, вероятно, здесь имеет место и специфика исламского вероисповедания, сакральная заповедность темы веры, религии и Бога в Исламе.

Чудодейственная спасительная сила веры для человека в русских паремиях фиксируется

широко: *Вера животворит . Вера и гору с места сдвинет . Вера спасает. С верой нигде не пропадешь.* [9]. В аварской лингвокультуре не обнаружено ни одной паремии со схожим компонентом. Однако осмысление обращения и полагания на Всевышнего при важнейших жизненных ситуациях объективировано в авар. ЧIужу ячунельул ги чу босулельул ги, берал ги къанщун, Аллагъасде божильи гъабе «При женитьбе, как и при покупке лошади, закрыв глаза, полагайся(надейся) на Аллаха» [2].

Православно-христианское и исламское религиозное сознание сходны в осмыслении признака «все в мире по воле Бога/Аллаха», что объективируется в паремиологической картине национальной (русской и аварской) концептосфер: рус. Бог не захочет, и пузырь не вскочит. Бог души не вынет, сама душа не выйдет. [9]. Авар. Аллагъасухъ балагъун гъекъолебила г1анк1уяль лъим «Даже курица пьёт воду по воле Аллаха (букв. оглядываясь на Аллаха)» [2].

Социальное равенство людей перед Богом актуализировано в рус. Перед Богом все равны. авар. Хан хола, лагъги хола – кИиялго бащальула «Хан умрет, и раб умрет – оба равны (перед Всевышним)». Ахиркиямасеб къо киназдего щола «Судный день придет ко всем». Соответственно, равно и правитель и его раб равны в ответе за свои грехи. так же, как и простые смертные не должны совершать грехи, а если совершили, то должны понести заслуженное наказание.

Искренность веры, отказ от показухи являются важнейшими признаками мусульманина: авар. Магжиль иман букIунаreb, рекIель гурони «Вера сосредоточена в сердце, а не в бороде» [2], истинная вера заключена глубоко в сердце, внешняя атрибутика без хузура не приветствуется в Исламе.

Как ранее нами отмечалось, ценностная составляющая «Веры/Неверия» представлена как добродетель, благодать, милосердие религии и человека в ней, Священные Писания учат верующих что хорошо, что плохо, как не следует поступать, что порицается Богом/Аллахом, а что одобряется. В семантике аварских пословиц ложь и клевета как пороки, порицаемые религией качества человека, подвергаются осуждению: авар. Каламалда жаниб бищунго нахъег I анаб жо – гъереси, гъерсазда гъоркъобги ц I акъго хъубаб жо – мац I гъаби [Самым гнусным в речи является ложь, из лжи самой мерзкой – сплетня]. Раг I анцинаб бицаравги – гъерсихъан, бихъанцинаб бицаравги – мац I ихъан [Человек, доносящий все, что услышал – лжец, и доносящий все, что увидел – сплетник]. Ср. с рус. Всякая неправда грех. В религиозной картине мусульманина ложная сплетня, клевета может привести к искуплению грехов жертвы клеветы: авар. Зоб роц I адго балеб ахир гъеч I еб ц I ад, ниль рац I ц I адго лъолел хъубал бугътанал [Гнусная клевета очищает нас, подобно льющемуся с ясного неба дождю]; XIарамаб боцIи-малги – жужахалъул цIул буго, жиндийго гъеб боркъизе къо бихъун бакIарулеб [Запретное имущество – что дрова для Ада] [4, с. 154]. Духовно-нравственная сфера человека, его отношения в обществе, семье, морально-этические стороны поведения регулируются, как известно, в исламе: авар. Ч I ужу инжит гъаюлев чи – Аллагъасул тушман, ятим къварид гъавулев чи – Аллагъасул ги халкъальул ги тушман «Тот, кто обижает жену - враг Аллаха, тот, кто обижает сироту - враг Аллаха и человечества». XIайваналцин рагъизе тIами Аллагъас гъукъараб жойила. ««Аллах запрещает заставлять бороться/драться даже скотину».

Верующий человек ассоциируется носителями как русского, так и аварского языка с порядочным, совестливым, честным человеком. Рус. Бог любит праведника, а черт ябедника . У них вера хороша (говорят о народе, т. е. нравственность). [9]. Менять веру

– менять и совесть [9]; авар. Иман гъеч I ев – ях I гъеч I ев [26, с. 126]. Иман баҳъун (букв. веру=совесть отняв), бессовестно, безжалостно.

Аварские паремии фиксируют этнокомпонент «заниматься бесполезным делом» через интерпретацию богоугодных дел: авар. Баркала гъечIеб кечI – кири гъечIеб лаила «Как песня без благодарности, что зикр (поминание Всевышнего), лишенный воздаяния». Туркидул кири гъечIеб, кочIол хIакъ гъечIеб «Ни воздаяния за духовные оды, ни греха за песнопения».

Неверие как концептуальный признак актуализируется посредством компонента «безбожник; вероотступник», неприятие никакой религии, отсутствие веры в человеке губительно для его плоти и души: рус. Ни Богу свечка ни черту кочерга [9]; авар. Бусурманлъун как гурев, капурлъун хъянч гурев «Ни молитвы мусульманина, ни креста христианина» [2]. Причастность греху, преступки и ошибки верующего человека по данным паремиологических фондов сопоставляемых языков прощаются при условии смиренного покаяния; утверждается мысль о грешности человечества: Рус. Нет такого человека, чтоб век без греха прожил. Милость над грехом – что вода над огнем (т. е. властна); Грех грехом, а вина виной. Все мы не без греха. Один Бог безгрешен. Един Бог без греха. [9], авар. Мунағыго гъечIей яс ялагъулаго, чIужуго щвечIого, хутIаравил (досл. «В поисках безгрешной невесты остался без жены»). Следовательно, неверие, безбожие рассматривается как самый тяжкий и большой грех: Нет греха хуже безбожия. Аллах и его рабы есть в любой стране [18, с.29]. Нет для человека более красивой одежды, чем набожность [Там же, с.30].

Таким образом, объектификация двухъядерного оппозитивного концептуального поля «Вера/Неверие» в русской и аварской лингвокультурах обнаруживает больше сходств, чем различий.

Таким образом, сила веры заключается не только в убеждениях и отдельных нравственных качествах человека, но и в его помыслах, действиях и поступках: Глубина веры подтверждается делом [18, с.28]. Изучаемый концепт связан с такими специфическими нравственными концептами аварской языковой картины мира, как «Ях I» и «Намус», (совесть, честь, стыд), часто актуализирующими религиозный код культуры: Бихъинчиясул яхI гурони, жужахIалъул цIеца бухIулареб жо гъечIебила «Единственное, что не горит в адском пламени – это честь мужчины». ЖужахIалъул цIеци бухIулареб жойила яхI «Даже в огне ада совесть не горит». Примечательно, что «совесть не только вступает в противоборство с грехами человека, но находит поддержку и в других чувствах – в стремлении человека к миру с собой, с людьми и с Богом» [11, с.125].

В аварской лингвокультуре фразема т1абиг1ат берцинлъи «благой нрав» интегрирует значение религиозно-сакральное и обыденное (человек набожный => благонравный). Соответствующее положение дел репрезентируется через устойчивые формулы благопожеланий и паремий: иман бугев вук1айги лъимер «с верой истинной будет рожден (о новорожденном)», иман-яхъ бугев рос щвайги «с верой-совестью пошлет жениха», иман щулияб къе Бет1ергъан «О Всевышний, дай мне крепкую веру» и т.п. [25]

Допустимость употребления в аварском языке «конструкций типа лексемы иман бугев чи в значении «набожный, верующий человек» и параллельно в значении «честный, порядочный человек», что фиксируют также и словари, говорит о народных стереотипах мышления, воплощенных в языке» [24, с.388].

Библейская идея «Каждому воздастся по его делам», имеющая уточненную семантику в исламе – «Поистине, дела (оцениваются) только по намерениям, и, поистине, каждому человеку (достанется) только то, что он намеревался (обрести)» [39], может стать краеугольным камнем в процессе переформатирования духовно-нравственных интенций общества в целом и каждой религиозной личности в отдельности.

Библиография

1. Аварско-русский словарь (под ред. М. М. Гимбатова). Махачкала: ДНЦ РАН, 2006, 2096 с.
2. Алиханов З. Аварские пословицы и поговорки. Махачкала, 2016. (на авар. яз.).
3. Аль-Газали, М. Возрождение религиозных наук / Абу Хамид Мухаммад аль-Газали ат-Туси. Пер. с араб. яз. книги "Ихъа' 'улум ад-дин". В десяти томах. 1-е изд. Махачкала: Нуруль иршад, 2011. 460 с.
4. Аль-Чиркави, С. (2011). Танбигъу-ль-Гавам ила дагIвати-ль-Къуръан: Побуждение внять призыву Корана. В четырех томах. Том 4, 1-е издание. Махачкала: Нуруль иршад, 2011. 491 с. (на авар.яз.)
5. Байрамова Л.К. Отражение в библейских текстах ценностей и антиценностей и отсутствие некоторых их корреляций с эпизодами современной жизни. Филология и культура. 2014. №4(38), с. 25-28
6. Балашова Е.Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕ-РА/FAITH в русском и английском языках. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, № 2, 2010, с. 92-98
7. Гибатова Г. Ф. Аксиология в языке. Вестник Оренбургского государственного университета, 2011, № 2 (121). С. 127-132
8. Гоголюк Ю. Е. Лингвокультурологическое исследование концепта «вера». Труды Белгородской духовной семинарии, 2018, с. 52-56
9. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2-х томах. М.: «Художественная литература», 1989. 433 с.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. Политическая наука. Вып. 3: Политический дискурс: История и современные исследования. Герасимов В. И., Ильин М. В. (ред.). М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 32–43.
11. Домусчи С. А. Нравственный мир человека в христианском богословии и русских пословицах. Развитие личности. № 3, 2017, с. 113-128
12. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 534 с.
13. Казнина Е. Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе: Автореф-рат дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.
14. Карасик В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов/ под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 13 – 15
15. Карасик В. И., Милованова М. С. Осмысление жертвоприношения: дискурсивные векторы оценки. Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 321–336. DOI 10.17223/ 18137083/74/24
16. Козлова Е. А., Гремицкая М. В. Концепт ВЕРА и религиозный дискурс: влияние медиа. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023., Том 16. Выпуск 1. С. 285-290
17. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006 [Электронный ресурс],

<https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com/14924-ИМАН>

18. Кухарева Е. В. Лингвострановедческий словарь арабских паремий. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГИМО «Университет», 2015. 240 с.
19. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998 [электронный ресурс] <http://gramota.ru/slovare/info/bts/>
20. Кушнир О. Н. К вопросу о концептосфере религиозного // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2011. № 130. С. 108-118.
21. Легойда В.Р., Шестерина А.М., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С. Интерпретация концептов веры и прощения в телепередаче религиозной направленности «Парсунा» // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 5. С. 82–102. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2022.82101
22. Магомедова А.Н. Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры // Исламоведение. Махачкала, 2019. № 4. С. 76-81.
23. Магомедова П. А., Микаилова А. А. Опыт концептуального анализа паремиологической картины мира разноструктурных языков: концептосфера «ПЛОХО». Махачкала: Издательство Алеф, 2022, 176 с.
24. Магомедова П. А., Сабулаев Ю. М. Вербализация понятия благонравие в религиозном (исламском) дискурсе языка. Мир науки, культуры, образования. № 4 (89), 2021.
25. Магомедова П.А., Гасанова М.А. — Репрезентация концепта ВЕРА/ИМАН в русскоязычном религиозном (исламском) дискурсе // Филология: научные исследования. – 2022. – № 12. – С. 63-77. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39474 EDN: MUEWAX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39474
26. Магомедханов М. М. Аварско-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1993-409 с.
27. Маслова В. А. Лингвокультурное введение в теорию человека. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 21–28.
28. Маслова В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрально-го и светского //Метафизика, 2016, № 4 (22), с. 87-99
29. Мокиенко В. М. Большой словарь русских поговорок [Текст] : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Международная ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.
30. Мусульманин и его личность в свете Корана и Сунны / Сост., пер. с араб., перераб., прим. Е. Сорохоумовой. М.: Умма, 2012. 576 с.
31. Найденова Н.С. Современная лингвистика в постсекулярной перспективе. Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 4. С. 988—1000.].
32. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008
33. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «ГРЕХ» и итальянского «PECCATO»). Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 167–177
34. Писарь Н.В. Особенности вербализации концепта «вера» в остромировом Евангелии 1056-1057 года // Казанская наука. 2016. № 5. С. 72-74.

35. Постовалова В. И. Религиозные концепты в православном миросозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 127-148
36. Пушкин А.А., Тенякова Е.А. Ценностные концепты в современной парадигме духовно-нравственного воспитания: лингвопедагогический аспект. Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22423> (дата обращения: 03.04.2023).
37. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира. Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гноэсис, 2018. С. 23-35.
38. Русско-аварский словарь (сост. С. З. Алиханов). Махачкала: ДНЦ РАН, 2003. 700 с.
39. Сахих аль-Бухари (Краткое изложение) / Перевод Владимира Абдаллы Нирша. 1-ое издание. В 2-х т. – М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. Т.1. 472 с.
40. Сибирева М.В. Концепт «Вера» в русской языковой картине мира: лексикографический аспект // Когнитивные аспекты лексикографии. 2009. С. 150-154.
41. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: «Языки русской культуры», 1997, 992 с.
42. Талапова Т. А. Концепт «Вера/Неверие» в русской языковой картине мира. Авто-реферат дис. ... канд. филол. наук, Абакан, 2009, с. 22.
43. Тафсир Корана 5-ое изд-е. Аль-Ашбал, 2015. 706 с. (на авар. яз.)
44. Тимошевская Т. А. Национально-культурные особенности функционирования концепта «Вера»: на материале русского и английского языков: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2012. 23 с.
45. Христианство // Энциклопедический словарь. Т. 1. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики рассмотрения концептов сферы «духовные ценности» в языковой картине мира носителей русского и аварского языков. Исследования в области сравнительного анализа русского языка и одного из языков народов Российской Федерации к коим относится аварский язык являются цennыми.

Статья является новаторской, одной из первых в российском языкоznании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы.

Центральной проблемой статьи является репрезентации ценностной составляющей концепта «Вера/Неверие» в исламском и православном дискурсах с целью выявления специфики лингвокультурного концепта. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом.

Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой

гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Теоретические положения иллюстрируются текстовым материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период.

Библиография статьи насчитывает 45 источников, среди которых теоретические работы только на русском языках. Считаем данное количество неоправданно избыточным в рамках рассматриваемой работы. Кроме того отсутствуют работы иностранных языках по смежным темам исследования, которые бы несомненно обогатили работу.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Духовные ценности/антиценности в религиозной и паремиологической картинах аварского и русского языков (на примере концепта «Вера/Неверие»)» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.